

Морин Джонсон

Дело
Эмангэма

Издательство АСТ
Москва

*Для тех, чья заветная мечта —
однажды обнаружить в библиотеке... тело*

Федеральное бюро расследований

Фотографическое изображение письма, присланного
в поместье Эллингэма 8 апреля 1936 года:

Вот загадка, **будет** смех!
Что ж нам **выбрат**ь для **потех**?
В петлю **сунут**ь, **застрели**ть?
Ударить финкой, **яд** подли**ть**?

Может, **запали**ть огонь?
Или нет — **зали**ть **водой**!
Будет ярко дом **пыла**ть!
Жаль, **что** долго **убира**ть...

Можно со скалы **столкну**ть,
В голову **топор** **воткну**ть,
На **маши**не **ночью** **мчат**ся
И в **аварии** **сконча**ться.

Столько **разных** **передраг** —
Ну не **выбрат**ь нам **никак**!
Вам не **спрятат**ься, не **скры**ться,
так **давайте** **весели**ться!

Уа-ха.

С **наилуч**ш**ими** **пожел**аниями, **Лука**вьи

Мария Джонсон

13 апреля 1936 года, 18.00

Ты же знаешь — я не могу позволить тебе уйти...

Год назад, весной, в кабинете директора школы решилась судьба Дотти Эпштейн.

Ее и раньше вызывали к директору, только в случае с Долорес повод был не из серии «драки, прогулы, отметки, хулиганство». Все было гораздо сложнее: обычно она обсуждала с директором детали собственных химических экспериментов, или ставила под сомнение понимание учителем неевклидовой геометрии, или просила разрешить ей читать книги на уроках, когда весь материал был уже усвоен и не хотелось терять попусту время.

Дотти представила лицо директора.

«Долорес, — наверняка скажет он, — хватит ходить и делать вид, будто ты умнее других».

«Но ведь так и есть», — ответила бы она. И не из-за глупого высокомерия, а потому что это было правдой.

В этот раз Дотти терялась в догадках, зачем ее вызвали. Правда, недавно в поисках одной книжки она пробралась в библиотечный архив, но об этом точно никто не знал. Во всей школе не осталось ни единого места, где бы она не побывала. Она залезала во все кладовки, чуланы и запертые каморки. Без всякого злого умысла, только чтобы что-то найти или убедиться, что там этого нет.

Дотти вошла в кабинет директора. Мистер Филлипс возвышался за своим огромным письменным столом. Он был не один — чуть в стороне сидел седоватый мужчина в великолепном сером костюме. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь жалюзи, полосками ложился на его фигуру, и мужчина выглядел словно киногерой. Соб-

Дело Эллингэма

ственно, он и был в некотором смысле кем-то вроде киногероя.

— Долорес, — начал директор Филлипс, — это Альберт Эллингэм. Ты знаешь, кто такой господин Эллингэм?

Конечно, она знала. Его все знали. Альберт Эллингэм, владелец завода «Америкэн стилл», газеты «Нью-Йорк ивнинг стар» и телестудии «Фантастик пикчерс», чье состояние не поддавалось измерению. Он был именно таким, каким вы можете представить по-настоящему богатого человека.

— У господина Эллингэма чудесные новости. Тебе несказанно повезло!

— Присядь, Долорес. — Эллингэм приглашающе указал на стул рядом с директорским столом.

Дотти села. Магнат чуть наклонился вперед, положил локти на колени и сцепил большие загорелые руки в замок. Ни у кого раньше Дотти не видела такой загар уже в марте, и это больше, чем все остальное, говорило об огромном состоянии господина Эллингэма. Он мог купить даже солнце.

— Я много слышал о тебе, Долорес, — заговорил он. — Мистер Филлипс рассказал о твоих талантах. Тебе четырнадцать, а ты уже в одиннадцатом классе. Ты самостоятельно выучила греческий и латынь, верно? Занимаешься переводами?

Дотти смущенно кивнула.

— А здесь, в школе, тебе не скучно?

Дотти бросила тревожный взгляд на директора, но тот улыбнулся и ободряюще кивнул.

— Иногда, — осторожно произнесла она. — Но школа не виновата.

При этих словах мужчины усмехнулись, и Дотти чуть расслабилась, совсем чуть-чуть.

— Я открываю свою школу, Долорес, — продолжил Эллингэм. — Новую школу для особенных учеников, таких как ты. Там они смогут изучать то, что им интересно, по своей собственной программе, в своем собственном темпе. Я считаю, учеба — это игра, чудесная игра.

Директор Филлипс опустил глаза и принялся перебирать бумаги на столе. Большинство директоров вряд ли считали учебу игрой, но ни один не стал бы спорить с великим Альбертом Эллингэмом. Если он сказал, что учеба — игра, значит, это игра. Если бы он сказал, что учеба — это слон в балетной пачке на роликах, они бы и с этим согласились. Когда у человека столько денег и власти, он может диктовать другим значения слов.

— Я выбрал тридцать учеников для своей школы и хотел бы видеть среди них тебя. Никаких ограничений в учебе и доступ к любым материалам, которые тебе понадобятся. Как тебе идея?

Дотти была в восторге. Но тут же возникла одна проблема, неотложная и неразрешимая.

— У моих родителей нет на это денег, — вздохнула она.

— Деньги никогда не должны стоять на пути к знаниям, — ласково произнес Эллингэм. — Моя школа будет бесплатной. Если ты примешь приглашение, то станешь моей гостьей.

Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой — однако так и случилось. Альберт Эллингэм прислал билет на поезд и пятьдесят долларов на карманные расходы, и спустя пару месяцев поезд нес Дотти Эпштейн, которая ни разу не уезжала из родного Нью-Йорка, навстречу ее

Дело Эллингэма

будущему. Она любовалась из окна вагона величественными лесами Вермонта и думала, что никогда раньше не видела столько зелени.

На территории школы располагался огромный фонтан, напоминавший ей один из тех, что были в Центральном парке Нью-Йорка. Грандиозные кирпичные и каменные здания, казалось, сошли со страниц романов. Ее комната в коттедже под названием «Минерва» оказалась довольно-таки большой, но уютной, с камином, который зажигали в холода. А сколько здесь было книг! Прекрасные книги, и никаких библиотечных правил: можно было взять сколько хочешь и держать у себя сколько нужно. Все учителя были очень добрыми. Имелась в школе и полноценная научная лаборатория, а ботанику они изучали в большой оранжерее. Танцы преподавала мадам Скотти, которая расхаживала по школе в трико, обожала шарфы и носила массивные браслеты.

Эллингэм жил на территории школы с женой Айрис и трехлетней дочерью Элис. Иногда по выходным у крыльца большого дома выстраивались дорогие машины, из которых выходили дамы в изумительных туалетах и мужчины в шикарных смокингах. Несколько раз Дотти видела известных актеров, политиков, популярных певцов. На эти уик-энды из Берлингтона и Нью-Йорка приглашали музыкантов, и тогда всю ночь в Гранд-Хаусе гремела музыка. А когда гости Эллингэма выходили прогуляться в парке, лунный свет играл на драгоценных камнях в ожерельях дам и на бриллиантах в мужских запонках. Даже в Нью-Йорке Дотти не находилась так близко к богатым и знаменитым.

Хотя обслуживающий персонал школы и старался сразу навести порядок после этих вечеринок, обширная территория была полна укромных уголков, поэтому следы

пребывания гостей оставались повсюду. Здесь бокал из-под шампанского, там слетевшая шелковая туфелька. Недокуренные сигары, атласные платки, перламутровые пуговицы, перья, блестящие — целая россыпь роскошных атрибутов богатства. Дотти собирала эти милые мелочи в коллекцию своего «музея», а самым лучшим ее «экспонатом» была серебряная зажигалка. Ей нравилось, как она вспыхивает длинным язычком пламени, нравились ее гладкая, зеркальная поверхность и причудливая узорная гравировка сбоку. Дотти решила при первом удобном случае непременно вернуть вещь владельцу, но прежде чуток подержать ее у себя.

В школе Эллингэма студенты были вольны сами выбирать, когда им читать, писать эссе, ставить опыты или слоняться по территории, и Дотти проводила много времени в одиночестве. В Вермонте время проходило по-другому, не так, как в ее бывшей школе. Здесь ей не нужно было ютиться на площадке пожарного выхода или прятаться в подсобках. Девочка отправлялась в лес и часами бродила там, добираясь до самых дальних уголков поместья. Осенняя листва опадала с тихим шелестом, и лишь это нарушало сонную тишину. Но однажды, во время одной из таких прогулок, Дотти услышала, как что-то металлическое звякнуло под ногами, и этот звук был удивительно знакомым. Так звякает чугунный люк на тротуаре, когда на него наступает ботинок.

Под ворохом листьев действительно скрывался люк. Дотти с трудом сдвинула его и увидела бетонные ступени, ведущие куда-то под землю. Не раздумывая, она спустилась по ним и оказалась в темном туннеле, стены которого были выложены кирпичом, а потолок поддерживали толстые опоры. Здесь было сухо и прохладно. Любопытство Дотти росло. Она щелкнула зажигалкой

Дело Элиангэма

и увидела перед собой массивную дверь, в центре которой на уровне глаз была прорезана узкая щель, закрытая латунной задвижкой. Дотти сразу же поняла, что это за дверь. Такие встречались в Нью-Йорке на каждом шагу. Они вели в подпольные бары.

Дверь была не заперта. Туннель не показался Дотти таким уж секретным. Он словно предлагал: исследуй меня! Она толкнула дверь и вошла в длинную комнату с высоким потолком. Вдоль стен стояли стеллажи, вплотную уставленные всевозможными бутылками. Глаза разбегались от пестреющих этикеток с надписями на французском, немецком, русском, испанском, греческом... Целая библиотека выпивки.

Дотти прошла вдоль стеллажей и наткнулась на лестницу, вмурованную в стену. Лестница привела ее к еще одному люку, а за ним открылось небольшое куполообразное строение со стеклянной крышей. Пол был покрыт шкурами, тут и там лежали подушки, стояли пепельницы да тускнела пара забытых бокалов. Вдоль круглой стены тянулись диванные сиденья. Дотти поняла, что она оказалась в обсерватории на маленьком острове — посередине искусственного озера, прямо за Гранд-Хаусом.

Тайное убежище! Самый лучший секретный уголок в мире. Дотти решила, что теперь здесь будет ее место для чтения. С тех пор она проводила на островке почти все свободное время, завернувшись в плед и разложив вокруг себя стопки книг. Никто не приходил сюда и не нарушал ее уединения, и ей казалось, что, даже узнай Альберт Элиангэм о ее тайне, он не стал бы возражать. Ведь он так добр и любит игру.

Ей казалось, это самое безопасное место на земле.

Тот апрельский день, на первый взгляд самый обычный, был туманным и пасмурным. Деревья терялись в белесой дымке, заволакивающей эллингэмское поместье и погружающей дом в молочный полумрак. «Природа словно готовится к чему-то таинственному», — подумала Дотти. Пожалуй, Шерлок Холмс будет отличным спутником в такой день. Она прочитала все книги о великом сыщике, но перечитывать понравившееся было одним из ее любимых занятий. И этот туман — он в точности такой, как на лондонских улицах в рассказах Дойля.

Дотти уже знала, что лучше всего уходить в обсерваторию в понедельник, после обеда: в это время там точно никого не будет. Мистер Эллингэм уехал еще утром, а миссис Эллингэм — вскоре после него. Дотти взяла томик рассказов о Холмсе в школьной библиотеке и отправилась в свое тайное убежище.

Туман клубился вокруг стеклянного купола маленькой обсерватории, и изнутри казалось, что она плавает в пушистом белом облаке. Дотти уселась на пол, укрывшись меховым ковриком, открыла книгу и тут же перенеслась в паутину лондонских переулков. Игра началась!

Дотти так увлеклась чтением, что не сразу услышала шум внизу. Кто-то прошел сквозь винный склад и теперь поднимается по лестнице. Кто-то вот-вот отодвинет крышку люка. Дотти едва успела юркнуть под коврик и вжалась в пол, надеясь затеряться среди груды подушек. Просто лежи тихо. Притворись кучей тряпья.

Она услышала скрежет отодвигаемой крышки и следом глухой каменный стук, с которым та упала на пол. Кто-то встал всего в полуметре от головы Дотти; «лишь бы на

меня не наступили!» — пронеслась мысль. Отчаянно пытаясь слиться с полом, она почти не дышала.

Человек отошел, и Дотти услышала звук возни. Она чуть приподняла край коврика и увидела, как рука в перчатке что-то достает из сумки и выкладывает на пол. Девочка рискнула выглянуть побольше, чтобы разглядеть предметы, и увидела фонарик, бинокль, моток веревки и что-то блестящее.

Блестящими оказались наручники, наподобие тех, что были у ее дяди, служащего в полиции.

Фонарик, бинокль, веревка и наручники?

Внезапная волна тревоги накрыла Дотти; сердце куда-то провалилось, а через секунду гулко застучало, едва не выпрыгивая из грудной клетки. Что-то здесь не так. Она опустила угол коврика и съезжилась под ним, прижавшись щекой к полу. Человек еще немного повожился, а потом наступила тишина. Ушел? Но тогда бы она услышала, как он спускается по лестнице.

Дотти было трудно дышать: воздуха под ковриком почти не осталось. Она лихорадочно пыталась сообразить, что происходит, но мысли разбегались. Дотти принялась считать про себя, дошла до пятисот, но вокруг по-прежнему было тихо. Она решила еще разок приподнять коврик, совсем немного, на пару сантиметров.

Никого. Еще пара сантиметров — тишина. Дотти уже хотела откинуть ковер полностью, и тут...

— Привет.

Сердце Дотти ухнуло.

— Не бойся, — произнес голос. — Выходи.

Теперь нет смысла прятаться. Прижимая книгу к груди, Дотти выползла из-под ковра и подняла голову. Она переводила взгляд с незнакомца на предметы на полу.

— Это для игры, — пояснил незнакомец.

Для игры? Ну да. Обитатели поместья любили играть. Гостям часто предлагали поискать клад или решить пару головоломок. Во всех студенческих коттеджах были настольные игры типа «Монополии», и сам Эллингэм иногда участвовал в партии. Фонарик, веревка, бинокль, наручники — возможно, это действительно игра. В «Монополии» тоже есть странные предметы.

— А что за игра? — спросила Дотти.

— Она сложная. Но будет весело. Мне нужно спрятаться. Ты тоже прячешься?

— Я читаю, — ответила Дотти. Она покрепче сжала книгу, стараясь унять дрожь в руках.

— Шерлок Холмс? — Незнакомец кивнул на книгу. — Я люблю Шерлока Холмса. Какой рассказ?

— «Этюд в багровых тонах».

— Отличная вещь. Продолжай. Читай. Не обращай на меня внимания.

Незнакомец вынул пачку сигарет и прикурил одну. Он молча выпускал дым и разглядывал Дотти.

Она видела его раньше. Должно быть, он и вправду отлично играет во все эти игры. Но Дотти была из Нью-Йорка и на своем коротком веку повидала достаточно, чтобы почувствовать: что-то не в порядке. Взгляд, тон. Ее дядя-полицейский всегда говорил: «Доверяй своему чутью, Дотти. Если тебе кажется, что кто-то ведет себя странно, уходи оттуда. Уходи и дай мне знать».

Чутье подсказывало Дотти, что надо уходить, но осторожно, будто ничего особенного не происходит. Она раскрыла книгу и попыталась сосредоточиться на тексте. За отворотом рукава у нее был припрятан карандаш, которым она делала заметки на полях. Когда незнакомец ненадолго отвернулся, она быстро вынула его и подчер-